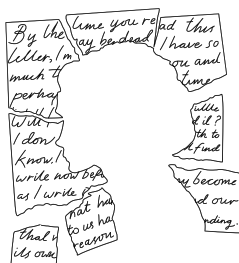

Стефан Цвейг

—

Письмо
незнакомки

Москва
2024

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44
Ц26

Stefan Zweig
BRIEF EINER UNBEKANNTEN

Перевод с немецкого

Художественное оформление серии *Степана Костецкого*

Цвейг, Стефан.

Ц26 Письмо незнакомки : [перевод с немецкого] / Стефан Цвейг. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-193232-9

Австрийскому писателю Стефану Цвейгу, как никому другому, удалось откровенно и вместе с тем максимально тактично передать словами всю остроту чувственных переживаний и тончайшие движения человеческой души. Новеллы Цвейга увлекательны по сюжетам, полны драматического накала и напряжения и показывают, насколько беззащитно человеческое сердце, как превратны людские судьбы, на какие свершения, а порой преступления толкает человека страсть.

В сборник включены самые лиричные, самые проникновенные новеллы писателя.

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-04-193232-9

© Топер В.М., перевод на русский язык.
Наследник, 2024
© Фридлянд С.Л., перевод на русский язык.
Наследник, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

В СУМЕРКАХ

Уж не собрал ли ветер тучи над городом, что стало вдруг так темно в нашей комнате? Нет. Воздух ясен и тих, как давно уже не было в эти летние дни, просто мы не заметили, как наступил вечер. Лишь слуховые оконца в доме напротив еще улыбаются неярким блеском, а небо над коньком крыши уже подернулось золотой дымкой. Час остался до ночи. Волшебный час, ибо нет ничего чудесней, чем наблюдать, как медленно блекнут и покрываются тенями краски заката, как подымается с пола мрак, пока черные бесшумные потоки его не захлестнут стены и не увлекут нас во тьму. Когда в этот час молча глядишь на сидящего против тебя друга, невольно кажется, что знакомое лицо, одетое тенью, постарело, стало далеким и чуждым, словно и не было близости, словно между нами легла даль годов и расстояний. Но ты говоришь, что не хочешь молчания, ибо слишком тягостно слушать, как часы разбивают время на сотни осколков, как дыхание в тишине становится громким, будто у больного. Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе что-нибудь. Охотно. О себе я, правда, рассказывать не буду, потому что жизнь наша в этих необъятных городах бедна событиями, а может быть, так только кажется, ибо нам не дано знать, что же здесь на самом деле наше. Но в этот сумеречный час, который любит только молчание, я расскажу тебе одну историю, и был бы рад, если б мне удалось привнести в нее что-то от теплого, мягкого, неверного света сумерек, чьи тени проплывают сейчас за окном. Не знаю, откуда пришла ко мне эта история. Помню

только, что я сидел здесь после полудня, долго сидел и читал книгу, потом уронил книгу на колени и погрузился в мечты или, может быть, в дремоту. И передо мной возникли вдруг какие-то образы, они скользили по стене, и я слышал их речи, заглядывал в их жизнь. Но когда я захотел проводить видения взглядом, сон отлетел от меня и они исчезли. Книга лежала у моих ног. Я поднял ее, стал отыскивать промелькнувшие образы и ничего не нашел; словно история эта перекочевала из книги в мои руки, а может быть, ее никогда там и не было. Может быть, я видел ее во сне или прочел в одном из пестрых облаков, что пришли к нам сегодня из дальних стран и унесли дождь, так долго висевший над городом. Или я услышал ее в бесхитростной старой песне, которую заунывно прохрипела под моими окнами шарманка? Или мне рассказал ее кто-нибудь много лет назад? Не знаю. Подобные истории часто являются мне, и я пропускаю меж пальцев хитросплетения судеб, даже не пытаюсь схватить их: так путник, не пытаюсь сорвать, мимоходом ласкает колосья или цветы на высоких стеблях. Просто передо мной вдруг возникает резкая, многоцветная картина, я мысленно смягчаю тона и линии, не удерживая ничего. Но сегодня ты хочешь, чтобы я рассказал тебе что-нибудь, и вот теперь, в этот сумеречный час, когда глаза наши томятся в серой полутьме по ярким и живым краскам, я расскажу тебе свою историю.

С чего начать? Я чувствую, что должен вырвать из тьмы одно мгновение, одну картину и один образ, ибо именно так начинаются во мне эти прихотливые грезы.

Вот я и вспомнил. Я вижу стройного мальчика, который спускается по широкой лестнице замка. Сейчас ночь, и луна светит неярко, но я — словно с помощью освещенного зеркала — различаю и каждую линию его гибкой фигуры, и каждую черту его лица. Он удивительно хорош собой: гладкие черные волосы по-детски падают на высокий, даже слишком высокий лоб, а руки, простертые во тьме, чтобы ощутить тепло нагретого солнцем воздуха, очень нежны и красивы. Он идет не спеша. Задумчиво спускается он в большой, шумящий листвою сад, через который белым мостом перекинулась широкая аллея.

Не знаю, когда все это происходит, то ли вчера, то ли полвека назад, не знаю где, но скорее всего в Англии или в Шотландии, потому что лишь там я видел такие высокие, сложенные из каменных глыб замки, которые издали кажутся грозными крепостями и только перед взором посвященного покорно склоняются к цветникам светлых садов. Да, теперь я знаю наверняка; дело происходит на севере, в Шотландии, ибо лишь там летние ночи так прозрачны, что небо матово поблескивает, точно опал, а поля никогда не темнеют, и все как бы светится изнутри мягким светом, и только тени, словно огромные черные птицы, опускаются на бледные равнины. Да, да, именно Шотландия, теперь я в этом уверен, совершенно уверен, и, если напрячь память, я вспомню даже имя мальчика и название графского замка, потому что темная пелена, окутавшая мой сон, быстро спадает, и все представляется мне так отчетливо, будто это не вымысел, а действительное событие. Мальчик приехал на лето погостить к своей замужней сестре, и благодаря гостеприимству знатных английских семейств — он здесь не один, по вечерам вокруг стола собирается целое общество: друзья хозяина, охотники с женами, несколько молодых девушек, красивых и стройных, их молодое веселье рождает в старых стенах радостное, но не шумное эхо. День-деньской скачут лошади, носятся своры собак, на реке поблескивают две или три яхты — праздное, беззаботное оживление сообщает ритму дня приятную быстроту.

Но сейчас вечер; все встали из-за стола. Мужчины сидят в зале, курят, играют в карты. До глубокой ночи из высоких окон тянутся в парк белые, зыбкие по краям столбы света, а иногда слышатся взрывы громкого хохота. Дамы, как обычно в это время, разошлись по своим комнатам, лишь две-три задержались поболтать в вестибюле. И поэтому мальчик сейчас предоставлен самому себе. К мужчинам ему пока нельзя, разве что ненадолго, а женщин он сам избегает, ибо порой, едва он приоткроет дверь, они вдруг понижают голос, и он догадывается, что речь идет о вещах, которые ему слушать не следует. Да и вообще он не любит женского общества: женщины задают ему вопросы, как ребенку, а ответы пропускают мимо ушей, они посылают его с тысячами

мелких поручений и благодарят потом, как послушного малыша.

Мальчик совсем было надумал лечь и уже поднялся к себе по винтовой лестнице, но в комнате оказалось слишком жарко, тяжкий воздух давил недвижной духотой. Утром позабыли опустить шторы, и солнце всласть похозяйничало здесь: разогрело стол, накалило кровать, отдохнуло на стенах, и его жаркое дыхание до сих пор струится изо всех углов и от складок портьер. К тому же еще совсем не поздно, и за окном, словно белая свеча, оплывает летняя ночь, такая мирная, тихая, безмятежная.

Вот почему мальчик снова спускается по высокой лестнице замка в сад, над темной чашей которого, словно нимб, тускло светится небо и куда манит его пряный аромат незримых цветов. Странно как-то у него на душе. Ему пятнадцать лет, все его чувства в смятении, и он не может понять, отчего у него так дрожат губы, словно он должен что-то шепнуть ночи, либо воздеть руки, либо постоять, закрыв глаза, словно между ним и этой невозмутимой летней ночью возникли тайные узы и они требуют слов или ответственного знака.

С широкой открытой аллеи мальчик неторопливо сворачивает на узкую боковую тропинку, где высоко над головой сплетаются в тесном объятии серебристые кроны деревьев, а внизу лежит глубокий ночной мрак. Не слышно ни звука. Лишь не передаваемая словами звучная тишина сада, неумолчный лепет — будто дождевые капли мягко падают в траву или тонкие былинки со звонким шорохом касаются друг друга — встречают мальчика, полного сладкой, непонятной грусти. Он то слегка коснется дерева, то замедлит шаг, прислушиваясь к мимолетным звукам; шапочка давит лоб, он снимает ее, чтобы ощутить прикосновение сонного ветерка к своим вискам, где звенит разгоряченная кровь.

Но вдруг, когда он еще дальше углубляется во тьму, происходит нечто непредвиденное. За его спиной хрустит гравий, мальчик в испуге оборачивается и видит, что к нему, трепетно мерцаая, приближается высокая белая фигура; вот уже она рядом, и он с ужасом чувствует, как его крепко, но не враждебно стискивают женские руки. Теплое, неж-

ное тело властно прижимается к нему, легкая ладонь торопливо скользит по его волосам, запрокидывает его голову; он чувствует, как льнут к нему чьи-то уста, полуоткрытые, словно спелый плод, как чьи-то дрожащие губы впиваются в его губы. Чужое лицо так близко, что он не может разглядеть его черты. И не смеет разглядывать, ибо дрожь пронзает его такой острой болью, что он закрывает глаза и безвольно отдается чужим пылающим губам; руки его нерешительно, неуверенно, робко, словно вопрошая, касаются чужого тела, и, внезапно опьяненный, он прижимает его к себе. Жадно пробегают его руки по мягким линиям, замешкаются на миг, вздрогнут и спешат дальше, еще взволнованней и жарче. Еще сильнее налегает на него чужое тело, уже всей своей тяжестью покоится оно на его податливой груди. Чье-то прерывистое, тяжелое дыхание увлекает его, клонит к земле, и он падает на колени. Он ни о чем не думает — ни о том, откуда пришла к нему эта женщина, ни о том, как ее зовут; не открывая глаз, пьет он желание с этих ароматно-влажных губ и отдается всесокрушающей страсти, безвольный, бездумный, упоенный. Ему чудится, будто звезды вдруг ринулись с небосвода — так мерцает все перед глазами, так искрится, горит все, чего он ни коснется. И он не знает, сколько это длится, часы ли, секунды ли, не размыкается мягкая, гибкая цепь — все сгорает в буйном пламени страстной борьбы, и на смену приходит блаженная истома.

Но внезапно жаркая цепь рвется. Резко, почти злобно высвобождает она его сдавленную грудь, женщина выпрямляется, и вот уже беглый белый луч скользит по деревьям и исчезает, прежде чем мальчик успевает протянуть руки и схватить его.

Кто это был? Сколько это продолжалось? Держась за ствол дерева, он встает, растерянный и оглушенный. Медленно возвращается в разгоряченный мозг трезвая мысль, ему кажется, что жизнь его сразу умчалась на тысячи часов вперед. Неужели стали явью все его смятенные мечты о женщинах, о любви? Или это только ему приснилось? Он касается руками своего тела, дергает себя за волосы. Да, на висках, где глухо стучит кровь, кожа влажная, влажная и холодная от росистой травы, губы снова горят, он вдыхает непривычный

хрусткий аромат женского платья, он ищет в памяти каждое сказанное слово. И не находит ни одного.

Тут он со страхом вспоминает, что она ничего не говорила, что она даже не назвала его имени, что он знает только ее судорожные вздохи, и глухие всхлипывания всевластной страсти, благоухание ее рассыпавшихся волос, и горячее прикосновение ее груди, и фарфоровую гладкость ее кожи, знает, что ее тело, ее дыхание, все ее трепетное существо принадлежало ему, но не знает, кто она, эта женщина, чья любовь настигла его во тьме. Отныне ему придется ощупью отыскивать имя, чтобы облечь в слова свое изумление и свое счастье.

И то непостижимое, что он только что пережил в объятиях женщины, вдруг кажется ему убогим и ничтожным рядом со сверкающей тайной, чей манящий взор устремлен на него из мрака. Кто она, эта женщина? Он лихорадочно перебирает в уме возможные разгадки, припоминает лица всех женщин, живущих сейчас в замке, выискивает в памяти каждое необычное мгновение, каждый разговор, каждую улыбку тех пяти или шести, что могут быть причастны к тайне. Не молодая ли графиня Э., та, которая частенько вздорит со своим стареющим мужем? Не юная ли жена дядюшки, у которой такие кроткие и в то же время удивительно озорные глаза? Или — эта мысль пугает его — или одна из трех сестер, его кузин, таких гордых, сдержанных и неприступных? Нет, это невозможно, все они донельзя холодны и рассудительны. Последние годы, когда тайные мечты начали обуревать его и вторгаться в его сновидения, он порой считал себя больным и отверженным, и как же завидовал он всем, кто мог быть или казаться таким спокойным, таким невозмутимым, таким бесстрастным, как страшился, словно тяжкого недуга, своих пробуждающихся желаний! А теперь?.. Но чья же, чья же внешность могла так обмануть его?

Навязчивый вопрос мало-помалу гасит волнение в крови. Уже поздно, в зале потушены огни, во всем замке не спит только он — он да еще, может быть, она, неузнанная. Незаметно подкрадывается усталость. К чему дальше ломать голову? Беглый взгляд из-под опущенных ресниц, тайное пожатие руки завтра все ему откроют. Задумчиво поднима-

ется он по лестнице, так же задумчиво он спускался по ней, так же — и совсем, совсем иначе. Волнение в крови еще не до конца улеглось, и нагретая солнцем комната кажется ему теперь свежей и прохладней.

Наутро, проснувшись, он слышит, как под окнами фыркают и бьют копытами лошади, слышит смех, слышит свое имя. Он вскакивает с постели — завтрак он уже все равно проспал, — торопливо одевается и стремглав мчится вниз, где его встречают веселыми шутками. «Соня-засоня», — смеется графиня Э., глаза ее искрятся от смеха. Жадный взгляд задерживается на ее лице: нет, нет, это не она, уж слишком беззаботно она смеется. «Сладко спалось?» — подшучивает жена дядюшки, но ее стан кажется ему слишком воздушным. А вопрошающий взгляд мчится дальше от лица к лицу, но нигде, нигде, нигде не сияет ему навстречу ответная улыбка.

Едут на прогулку. Он жадно ловит ухом каждый звук голоса, ловит глазами каждый изгиб тела, каждое движение покачивающихся в седле всадниц, подстерегает каждый поворот головы, каждый взмах руки. За обедом он как можно ближе наклоняется к своей собеседнице, чтобы вдохнуть аромат ее губ, теплое благоухание волос, но ничто, ничто не являет ему желанного знака, не открывает даже мимолетного следа, по которому могли бы устремиться его разгоряченные мысли. День нескончаемо долгод. Когда он берется за книгу, строчки переливаются через край страницы и вдруг уносят его в сад, и снова ночь, удивительная ночь, и снова жаркая цепь объятий смыкается вокруг него. И, выпустив книгу из дрожащих рук, он спешит к пруду. Но вдруг, неожиданно для себя, с испугом даже, замечает, что стоит на той же тропинке, на том же месте. За ужином его лихорадит, руки неуверенно блуждают по скатерти, словно их что-то гонит, глаза боязливо прячутся под опущенными веками. Когда остальные отодвигают, наконец-то отодвигают стулья и встают из-за стола, он с чувством несказанного облегчения покидает комнату и мчится в парк. По белой тропинке, которая, словно молочный туман, мерцает у него под ногами, ходит он взад и вперед десять, сто, тысячу раз. Зажглись ли огни в зале? Да, наконец-то зажглись и наконец-то спущены

шторы в окнах второго этажа. Значит, дамы разошлись по своим комнатам. Считанные минуты остались до ее прихода, если только она придет, но теперь каждая минута до предела наполнена жгучим нетерпением. И снова взад и вперед, взад и вперед мечется он, словно его дергают за невидимые нити.

Но тут по ступеням лестницы стремительно сбегает белая фигура, чересчур стремительно, чтобы можно было узнать, кто это. Она словно луч луны, словно забытая кем-то вуаль, которая трепещет меж деревьев, гонимая ветром, она все ближе, ближе, и вот уже она бросается в объятия мальчика, и руки его жадно, мертвой хваткой, смыкаются вокруг ее разгоряченного бегом тела. Как и вчера, в тот миг, когда теплая волна неожиданно обдает его грудь, он едва не теряет сознание и жаждет только одного — чтобы темный поток страсти подхватил и унес его за собой. Но угар внезапно рассеивается, он сдерживает страстный порыв. Нет, нет, только не позволить ей одурманить себя, только не отдаться этим жадным устами, куда он не узнает, какое имя носит это существо, чье тело прижалось к нему так тесно, что кажется, будто чужое сердце бьется в его собственной груди! Он уклоняется от поцелуя, чтобы разглядеть таинственные черты, но тени падают на ее лицо и сливаются в неверном свете с темным ореолом волос. Чересчур густо сплелись ветви деревьев, чересчур неяркий свет задернутого облаками месяца. Он видит только сияние глаз — два самоцвета, оправленные в тускло поблескивающий мрамор.

Он хочет услышать хоть одно слово, хоть звук ее голоса. «Кто ты, скажи, кто ты?» — требует он. Но этот влажный мягкий рот отвечает только поцелуями, слов у него нет. Хоть бы слово исторгнуть из него, хоть бы крик боли! Он стискивает запястье незнакомки, он впивается ногтями в тело, он слышит только тяжкие вздохи напряженной груди, и горячее дыхание, и зной упрямо сомкнутых губ, которые лишь изредка тихо застонут — от боли или от страсти, он не знает. Его сводит с ума мысль о том, что он бессилен перед ее упрямой волей, что эта из тьмы возникшая женщина берет его, не открывая себя, что, обладая безграничной властью над ее алчущим телом, он не может овладеть ее именем. Гнев охватывает его, он уклоняется от объятий, но она, почувствовав вялость

обнимающих ее рук и его тревогу, ласково, дразняще треплет его волосы. И тут, когда пальцы ее касаются его головы, он вдруг слышит, как что-то металлическое тихо звякает у его лба: брелок или монетка, подвешенная к ее браслету. Мгновенная мысль осеняет его. Будто в порыве исступленной страсти, он прижимает к себе ее кисть так, что монета глухоко впивается в его полуобнаженную руку. След останется наверняка, и, чувствуя, как горит кожа, он дает себе волю; он прижимает к себе ее тело, пьет желание с ее губ, бросается очертя голову в таинственный омут безмолвного вожделения.

А потом, когда она, точно как вчера, внезапно вскакивает и убегает прочь, он не пытается удержать ее — ему не терпится разглядеть запечатленный на его руке знак. Он мчится к себе, выкручивает фитиль тускло горящей лампы; лампа вспыхивает ярким огнем, и тогда он жадно впивается глазами в след, оставленный монетой.

След уже немного поблек, очертания разгладились, но один угол вдавлен глубоко, и отчетливо видны красные линии. Монета не круглая, она, должно быть, восьмиугольная, и не очень большая, примерно с пенни, но более выпуклая, потому что на руке еще сохранилась ямка, соответствующая выпуклости. Огнем горит след, который он так жадно рассматривает, и вдруг начинает болеть, как свежая рана, и только когда он опускает руку в холодную воду, жжение проходит. Брелок восьмиугольный — теперь у него не осталось ни малейших сомнений. Взгляд его светится торжеством. Завтра он все узнает.

На другое утро он является к столу одним из первых. Он застает только немолодую девицу — гостью, свою сестру и графиню Э. Других дам пока нет. Настроение у всех отменное, они разговаривают, не обращая на него внимания. Тем удобнее ему наблюдать. Его взгляд торопливо скользит по узкому запястью графини: она не носит браслета. Теперь он может спокойно разговаривать с ней, но глаза его то и дело нетерпеливо обращаются к дверям. Вот сразу входят все три сестры, его кузины. Волнение снова охватывает его. У каждой под длинным рукавом можно различить очертания браслета, но они слишком быстро садятся, и как раз против него: Китти с каштановыми волосами, белокурая Марго и Элизабет,

чьи волосы так светлы, что в темноте они отливают серебром, а на солнце — золотом. Все три, как всегда, сдержанны, молчаливы и неприступны. Все три застыли в своей чопорности, и эта чопорность ненавистна ему: ведь годами они лишь немного старше и несколько лет назад были его сверстниками по играм. Юная жена дядюшки еще не появлялась. Все тревожнее бьется сердце мальчика, потому что разгадка так близка, и вдруг мучительная тайна становится почти дорога ему. Но взгляд его по-прежнему с любопытством блуждает вдоль края стола, на ослепительной белизне которого руки женщин лежат спокойно или не спеша скользят, словно корабли по сверкающей глади залива. Только руки видит он, и внезапно ему кажется, что они существуют сами по себе, точно сценические персонажи, каждый со своей жизнью и своей душой. Почему так стучит в висках? Все три кузины носят браслеты, с ужасом замечает мальчик, и при мысли, что одна из этих высокомерных, внешне безупречных женщин, которые даже в детские годы держались с заносчивой неприступностью, может оказаться той незнакомкой, его охватывает смтение. Кто же из них? Китти, которую он знает не так хорошо, потому что она самая старшая, резкая Марго или младшая, Элизабет? Он даже не смеет пожелать, чтобы это оказалась одна из них. Он даже хочет в глубине души, чтобы это был кто-нибудь другой, или пусть он, по крайней мере, не знает об этом. Но желание разгадать тайну оказывается сильнее.

— Китти, налей мне, пожалуйста, еще чаю.

Голос его звучит так, будто у него першит в горле. Он подает Китти пустую чашку, теперь ей придется поднять руку и протянуть ее за чашкой через весь стол. Вот он видит брелок, покачивающийся на цепочке, и рука его на миг замирает. Нет, это круглый зеленый камень, нежно постукивающий о фарфор. Взгляд его благодарно и нежно — как поцелуй — скользит по темным волосам Китти.

Он тяжело переводит дыхание.

— Марго, будь так добра, передай мне сахар.

Встреппенувшись, узкая рука вытягивается, берет серебряную сахарницу и передает ему. И тут он видит — рука его вздрагивает от неожиданности — там, где запястье прячется под рукав, с тонко сплетенного браслета свисает старинная

серебряная монетка, восьмиугольная, величиной с пенни, должно быть, какая-нибудь семейная реликвия. Но у этой реликвии восемь острых углов, тех самых, что вчера отпечатались на его коже. Рука мальчика дрожит, он никак не может справиться со щипцами, потом наконец бросает в чашку кусок сахара, но выпить чай забывает.

Марго! Имя горит на его губах, готовое сорваться возгласом безмерного удивления, но он стискивает зубы. Она что-то говорит, — каким чужим кажется ее голос, словно звучит он не за столом, а с трибуны, ровный, холодный, слегка насмешливый и такой спокойный, что мальчик чуть не содрогается перед ее вопиющей фальшью. Неужели это она — та самая женщина, чьи стоны он заглушал поцелуем, чьи влажные губы впивались в его губы, та женщина, которая, словно хищный зверь, бросалась на него в ночном мраке? Он не отрывает взгляда от ее губ. Да, и скрытность и упрямство сродни им, этим резко очерченным губам, но не он ли знает их другими?

Он вглядывается в ее лицо, словно видит его впервые. И впервые сознает, ликующий, потрясенный, счастливый, чуть не плача от восторга, как прекрасна она в своей гордыне, как пленительна в своей таинственности. Его взгляд вождельно проследивает крутой излом ее бровей, погружается в холодную глубину ее серо-зеленых сердоликовых глаз, ласкает бледную, прозрачную кожу ее щек, заставляет сжатые сейчас губы мягко раскрыться для поцелуя, обегает ее светлые волосы и в стремительном падении охватывает ее стан. Нет, до этой секунды он не знал ее. Когда он встает из-за стола, колени у него подгибаются. Он упоен ее красотой, точно хмельным вином.

Сестра уже окликает его снизу. Кони оседланы для утренней прогулки, они возбужденно приплясывают и в нетерпении грызут удила. Один за другим все быстро садятся по коням, и пестрая кавалькада растягивается по широкой аллее. Сперва медленной рысцой, и вялый этот аллюр никак не вяжется с бешеным бегом его крови. Но за воротами они отпускают поводья и скачут кто налево, кто направо от дороги, в луга, над которыми еще клубится легкий утренний туман. Должно быть, ночью выпала обильная роса, ибо сквозь дымку тумана тревожно поблескивают капли и воздух упои-